

«Не воруйте, не лгите, не обманывайте друг друга».

(Ветхий завет. Лев 19:11)

«Богам не может быть угодно преступление».

Пьер Корнель, французский драматург

«Кто хочет разбогатеть в течение дня, будет повешен в течение года».

Леонардо да Винчи

«Не в жестокости, а в неизбежности наказания заключается один из наиболее эффективных способов предупреждения преступления».

*Чезаре Беккари,
итальянский мыслитель
эпохи Просвещения*

«Согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

*Постановление Пленума
Верховного Суда
Российской Федерации
от 22 декабря 2015 г. № 58 г. Москва
«О практике назначения судами
Российской Федерации
уголовного наказания»*

Предисловие

Каиново проклятье

«И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Книга Бытия 4, 8). Так, согласно Святому Писанию, произошло первое убийство в истории человечества.

Моисей скупо рассказывает о том, как старший сын Адама и Евы покончил со своим младшим братом. Произошло это после того, как Каин принес в жертву Всевышнему земные плоды, а Авель — первородных ягнят. И — о ужас! — Бог принял жертву младшего брата, а дары старшего отверг. Одолеваемый ревностью и злобой, Каин заманил Авеля в поле и лишил его жизни.

В Иудее произошло то, что римляне позже назовут «кримен» (crimen) — преступление. Отсюда и определение *criminalis* — преступный, и многие образованные от того же латинского корня слова: криминалитет, криминология, криминалистика... Спрашивается: при чем тут латынь? Именно Древний Рим, позаимствовавший у античной Греции ее культуру, религию и философию, обозначил те взаимоотношения преступности и законодательства, которые определили в дальнейшем правовую систему Европы. Через кодексы Юлия Цезаря, Феодосия, Юстиниана, Карла Великого, Наполеона и других — вплоть до наших времен.

Впрочем, необходимо важное уточнение.

Всем известно, что родиной того, что мы до сих пор называем «демократией», являются древние Афины. Осталось в нашем языке и выражение «драконовские меры». Но, какой «дракон» их принимал, мало кто помнит. А ведь связано это с юридическим кодексом, который определял наказание за каждый преступный акт и мог быть исполнен только судом. Человека, который написал эти законы, строгие и суровые, звали Драконт.

Именно этот афинянин, провозгласивший политическую полноправность для всех граждан полиса, — важное уточнение — способных служить на собственном иждивении в тяжеловооруженных войсках, реформировал законодательство. Драконовские (хотя, скорее, драконтовские) положения уголовного права были

начертаны на каменных скиржалах (по некоторым источникам, на деревянных табличках) и выставлены на городской площади на публичное обозрение.

Драконт возглавил «политию» — народное собрание Афин — в VII веке до н.э. Он не был должностным лицом, — скажем, архонтом (правителем). Драконт являлся только лидером, зато каким! Он сумел превзойти существующее тогда государственное устройство.

В то непростое время (а когда оно было простым?) в полисе применялись устные законы, находившиеся под контролем аристократов. Однако в Афинах все увереннее заявлял о себе класс незнатных, но зажиточных граждан: торговцев, землевладельцев, мастеров ремесел, — которые начали справедливо претендовать на участие в управлении богатым городом. Драконт понимал, что правовая система в полисе могла быть легко использована аристократами в их собственных интересах, поэтому и установил в 621 году до н.э. новый кодекс законов. Уравнивающий в правах всех «истинных» граждан Афин.

«Кровью, а не чернилами были законы Драконта написаны» — скажет об этом кодексе древнегреческий политик и оратор Демад (порой эту цитату приписывают Аристотелю). Вот как пересказывает содержание этих драконовых таблиц древнегреческий писатель Плутарх:

«Драконт определил различие между убийством умышленным и убийством ненамеренным, назвал условия, при которых ненамеренное убийство признавалось ненаказуемым и допускало примирение родственников убитого с убийцей. Зато кража полевых плодов — например, капусты или яблок — наказывалась смертью, приравнивалась к святотатству, кощунству или преднамеренному убийству, ибо это покушение на право собственности, основу государственности. Если же кто-то берет в долг и не отдает денег, то становится рабом заимодавца...»

Смертная казнь занимала главное место в ряду наказаний, определяемых Драконтом. Когда у него спросили причину такого сурового наказания даже за малые преступления, он ответил: «Потому что мелкие заслуживают этого, а за большие преступления у меня нет высшей меры».

Приговор к смертной казни исполнялся в Афинах тремя способами. Первый, применяемый едва ли не с первобытных времен, состоял в том, что осужденного бросали в пропасть. Эллада, как известно, — страна горная. Второй способ заключался в том, что обнаженного преступника привязывали в пустынном месте

к дереву и оставляли умирать от голода, жажды, жары и холода — в зависимости от времени года. Третьим инструментом наказания был яд. Осужденного или кололи отравленным дротиком, или давали ему выпить бокал с соком болиголова. Смертью от цикуты был «награжден» знаменитый даже за пределами Атики философ Сократ (о его казни рассказано в моей книге «Яды. Полная история», вышедшей в издательстве АСТ).

Кодекс Драконта показался потомкам слишком жестким и безжалостным. Не удивительно, что и полстолетия не прошло, как «драконовы законы» — за исключением тех, которые касаются убийств, — были отменены афинским политиком Салоном. Под его эгидой был принят другой свод законов, более умеренных и справедливых. Именно Салона правоведы стран Запада считают основателем современного права. Но и Драконт остался в памяти людей за его попытку обосновать равенство граждан перед законом.

Популярность — тяжелый груз, порой в самом прямом смысле слова. Если верить легенде, однажды Драконт находился в театре на острове Эгина, и сторонники политика решили выразить свое одобрение его действиям. Они в традиционной греческой манере принялись бросать ему на голову свои шляпы и плащи. Вещей было столько, что под их тяжестью Драконт, человек не самый физически развитый, задохнулся и скончался на месте.

«Нравиться многим — зло» — вынес в XVIII веке вердикт немецкий классик Фридрих Шиллер. Автор драмы «Разбойники», который стал почетным гражданином революционной Франции, «подарившей» человечеству гильотину, был убежден, что со злом надо бороться силой. А разве она — не очередное зло, только в ином обличии? Примеров тому у Истории тьма. Тем более что у Драконта всего через несколько столетий — какая мелочь для вечности! — появились достойные преемники: древние римляне.

В «Законах XII таблиц», принятых в 451—450 годах до н.э. и регулировавших практически все сферы жизни древнеримского общества, подробно прописывалась специфика преступлений и наказаний. Современное понимание преступления как социально опасного деяния в «Законах XII таблиц» распространялось только на преступления против Римской республики. Все прочие преступления рассматривались в качестве деяний, наносящих вред лишь отдельному гражданину Рима. Государство — превыше всего!

Любопытная деталь: серьезность наказания зависела от времени суток, когда было совершено преступление. Например, при совершении кражи в ночное время разрешалось в случае поимки

злодея с поличным убить преступника прямо на месте. При этом учинивший расправу освобождался от уголовной ответственности. Однако, если совершающий кражу в дневное время защищается с оружием в руках, его убийство могло вызвать неприятные последствия. В таком случае «Законы XII таблиц» повелевали созывать народ для задержания преступника. Но, если вор не был пойман с поличным, на него лишь налагался штраф в двойном размере стоимости украденной вещи. Зато преднамеренный поджог, потрава поля и лжесвидетельствование карались смертью: уличенного сбрасывали с Тарпейской скалы... Казалось бы, все весьма жестко и четко. И тем не менее решение о лишении жизни римского гражданина могло быть принято только в специальной «центуриатной комиции»¹. Остается добавить: гражданином в Древнем Риме был человек, который имел право участвовать в Народном собрании, принятии законов, избрании должностных лиц. Отличие статуса гражданина в Древней Греции и в Древнем Риме состояло в том, что в Элладе граждане обладали исключительным правом на владение землей.

«Кримен» называлось у римлян противоправное деяние, которое признавалось уголовно наказуемым. Если такой акт становился фактом, следовали публичный приговор за совершенное преступление, а затем — жестокое возмездие. В римском праве мера ответственности за признанное преступление обозначалась заимствованным у греков, вечных учителей Европы, словом «роена». Оно в том или ином виде вошло практически во все романские языки, и даже долетело до нас, славян. Вспомните понятие «пеня» — штраф, неустойка, вид финансового наказания за невыполнение обязательств в срок.

Аристотель пришел к выводу, что одними из основных причин преступности являются расслоение общества и низкая культура. Это актуально и по сей день. Да и суть преступлений осталась прежней. Убийство и кража, причинение телесных повреждений и разбой, подделка документов, драгоценных металлов и валюты, поджог... Низкой культурой определялась и жестокость наказания. Например, пойманные фальшивомонетчики в Риме должны были быть заживо расплавленными, как тот самый металл, из которого они отливали поддельные монеты. Злодея подвешивали за руки над котлом с кипящим на огне металлом и медлен-

---

¹ Один из видов народного собрания в Древнем Риме, состоявшего из патрициев и плебеев, которые были способны носить оружие. Здесь и далее —

Прим. авт.

но опускали в эту раскаленную магму человека, тело которого мучительно растворялось за несколько часов. Б-р-р-р!!!

«Виновный боится закона, невинный — судьбы», — утверждал Публилий Сир, древнеримский поэт, сам в юности бывший рабом.

Эта книга — не о законе и судьбе, а о судьбе тех, кто не в ладах с законом. Ведь понятие «криминал», давшее название этому опусу, необычайно широкое, имеет много смыслов. Это и то, в чем есть признаки преступления. И непосредственно члены организованной преступной группировки. И вообще уголовная среда в широком смысле слова...

В «лихие девяностые» в стране бытовала грустная шутка, что в постперестроечной России «нет ничего организованнее преступности». В ту пору, по мнению некоторых экспертов, только одно государство в мире могло соперничать с нашей родиной по разгулу криминалитета. Это — только не смейтесь! — Папуа — Новая Гвинея, где банды не просто поделили все острова с вчерашними людоедами на сферы влияния и стали в стране параллельной властью, а еще и коррумпировали значительную часть чиновников недавней британской администрации. Легендарный русский этнограф Николай Миклухо-Маклай, о тропических подвигах которого в Южных морях нам проникновенно рассказывали в начальных классах советской школы, отдыхает! В пору, когда он завоевывал доверие туземцев бусами из стекла, папуасы жили еще племенами, а не бандами, как сейчас.

Кстати, на языке древних кельтов, обитавших некогда на огромном пространстве — от Карпат до Бретани, «банд» означает «связка». Из преступных «связок» выросли современные банды, многие из которых обозначили целые страны и эпохи.

Понятие «криминал» к тому же определяет сущность злодеяния, уголовного инцидента, любого действия, нарушающего общепринятые нормы поведения и наносящего ущерб личности или обществу. Слово «криминал» пришло к нам из Германии через Польшу и вошло в русский обиход в эпоху Петра Великого.

У самого же государя, «прорубившего окно в Европу», борьба с преступностью осталась только на словах (за исключением, пожалуй, борьбы с коррупцией, которая, несмотря на усилия Петра, все равно осталась неистребимой на российских просторах). Надо сказать, что уголовная полиция под именем Сыскного, или Разбойного, приказа существовала в России с 1619 года. Именно это учреждение худо-бедно вело борьбу с «татями» — так называли тогда всевозможный криминалитет. Слово «вор» обладало

широким смыслом, им назывался любой преступник. Так, Лжедмитрий II вошел в историю как Тушинский вор.

Приняв бразды правления в стране, «поднятой им на дыбы», Петр I в 1701 году взял и ликвидировал Сыскной приказ. Зачем? По какой причине? Остается лишь гадать... Оставил только Преображенский приказ, на основе которого была создана Тайная канцелярия. Ею управлял князь-кесарь, «верный царев пес» Федор Ромодановский, в ведении которого были исключительно дела двух «элитных» полков: Преображенского и Семеновского. Уголовной криминалистикой этот приказ не занимался. Его прерогативой были только политические прегрешения подданных: «Слово и дело Государево!». Произошло, казалось бы, невероятное: огромная, растущая в своих пределах страна оказалась вообще без охраны общественного порядка. А «славные дела» — вдохновенно и романтично воспеты поэтами и летописцами после смерти Петра — творились на Руси что ни на есть самые жуткие.

Великие стройки будущего императора требовали огромное количество рабочей силы. Параллельно в армию рекрутов гнали из деревень кнутами, как кандалников. Крестьяне бежали тысячами. Кто-то — за Урал, кто-то — на Волгу, в каспийские степи, а кто-то — и в разбойничьи ватаги, которые «шалили» повсюду, где были леса, чтобы в них укрыться.

Царь, увлеченный проводимыми им реформами, ввел паспортную систему с пропиской в главных городах — в Москве и в бурно строящемся Санкт-Петербурге. На стройках у крепостных крестьян, погибающих от голода, репрессий и мора в чухонских болотах, не оставалось никакого другого спасения, кроме как сбежать куда подальше и пополнить ряды уголовников, терроризирующих резко уменьшающееся в численности население. Бандитские шайки, на вооружении которых были даже пушки, порой достигали таких размеров, что могли вести бои с военными подразделениями, направляемыми воеводами и губернаторами на борьбу с ними.

Кстати, именно на местные власти была возложена Петром обязанность бороться с преступностью. Воевод это вовсе не вдохновляло на подвиги. Они, не получавшие на следственную деятельность дополнительного финансирования, должны были бороться с криминалом с помощью воинских отрядов, так называемых «команд». Ну хорошо: солдаты с бандитскими шайками в лесах как-то сражаться еще могли. Но наладить в городах и в деревнях элементарную следственную работу, скажем, расследовать преступление, допросить потенциальных свидетелей,

собрать доказательную базу, они никак не умели, да и учиться полицейским премудростям не хотели. Никто в местных гарнизонах и понятия не имел, как это делается. Да и никто не освобождал военных от обязанностей, которые они должны были нести по своей непосредственной службе.

Страна, граждане которой оказались совершенно незащищенными перед криминалом, погрязла в воровстве и в каждодневном насилии. Если после ограбления обыватели во весь голос и кричали: «Караул!», в лучшем случае появлялся наряд драгун, патрулировавших окрестности. Но расследованием преступлений военные не занимались. В 1715 году Петр I наконец-то понял, что он столь опрометчиво когда-то натворил, и учредил Главную полицмейстерскую канцелярию. Но дела ее касались только Северной столицы. Дальше Санкт-Петербурга дело не пошло. Да и возглавил новую структуру вовсе не профессионал сыска, как можно бы было ожидать, а бывший царский денщик, уроженец семьи португальских евреев из Голландии Антон Мануйлович Девьер, «птенец гнезда Петрова».

Царь лично составил памятку с обязанностями столичной полиции под названием «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру». Ни один из них не касался непосредственно следственной деятельности. В большей степени это было пособие по содержанию в порядке территории города. Полицейские должны были следить за чистотой улиц, отвечать за защиту их от возможных пожаров, за содержание каналов... И ни слова о борьбе с преступностью. Воистину: «Дело спасения утопающих — дело рук самих утопающих».

Царь приказал организовать для борьбы с преступностью «добровольные дружины» из самих жителей — каждые десять дворов выбирают десятского, над ним стоит староста, отвечающий за слободу или за улицу. Если случилось чрезвычайное происшествие — убийство, кража или ограбление, — староста обязан докладывать об этом полицмейстеру. Караульщикам из числа местных обитателей рекомендовалось для защиты от «воров иметь какое-нибудь оружие» (так выразился сам Петр) и — главное — трещотку (!), чтобы ходить с ней ночью по улицам и сигналить о своем присутствии.

Несколько слов о первой русской полиции. В 1720 году ее штат, помимо самого полицмейстера, состоял из десяти офицеров, двадцати унтер-офицеров и ста шестидесяти рядовых солдат. В ту пору население Санкт-Петербурга уже превышало сто двадцать тысяч... Для остальных российских городов полицию

так и не придумали. Да, чуть не забыл! Огнестрельного оружия у первых отечественных полицейских почти не было, зато в снаряжении их были шпаги и алебарды.

Грустная правда, конечно... Стране предстояло ждать полтора столетия прежде, чем обрести достойные профессиональные службы по борьбе с преступностью. Впрочем, на фоне других государств Россия не представляла собой исключение. То же происходит и сегодня. Ведь преступность была всегда и везде. Во все времена. Она — исторический феномен, одна из постоянных характеристик рода людского. И повсюду криминалитет в значительной части отражал специфику не только страны, но и — в первую очередь — общества. Если его лицо менялось, изменялась и преступность. Другими становились и методы государственного реагирования на действия криминалитета.

Эта книга — о явлении пока что универсальном, интернациональном и вряд ли готовом в обозримой перспективе исчезнуть, как тень в полдень. Пока существуют собственность и деньги, будет и преступность. Не зря сказал Чарльз Диккенс: «Деньги — драгоценный посредник мира, который столь успешно устанавливается между честным человеком и бандитом». Автор «Битвы жизни» и «Трудных времен» сказал это в середине девятнадцатого века, но за минувшие десятилетия времена вряд ли стали менее трудными, и битвы за жизнь продолжаются. Получается, что высказывание английского классика актуально и сегодня.

И все-таки будем надеяться, что завтра планета, на которой мы живем, станет лучше, добрее и совершеннее. Тогда, хочется верить, исчезнет и преступность во всех ее гнусных и безобразных проявлениях.

Неужели нет?..

Глава 1

Банда на колесах

Бандой Бонно и по сей день пугают во Франции непослушных детей. И не только потому, что Жюль Бонно с товарищами стали первыми европейскими гангстерами, ничем не уступающими в жестокости их американским коллегам. Но и потому, что они открыли новую эру в мировом преступном ремесле — автомобильную эпоху. Тогда, когда машина, уже сделавшись исключительной роскошью, еще не стала массовым средством передвижения, «банда на колесах» — так их прозвала парижская пресса начала века — наводила страх на обывателей не только точностью стрельбы и жестокостью, но и скоростью езды на лимузинах.

В дверь лачуги в Роменвилле, пригороде Парижа, постучали. Все сидевшие в тесной комнате, главным украшением которой была раскаленная чугунная печка, вздрогнули: уж не полиция ли? Виктор кивнул, и Риретт отперла замок — на пороге стоял высокий худой человек.

— Можно войти? — Он переступил порог и сощурил маленькие серые глаза от яркого света, пробивавшегося из-за заслонки печки. — Меня зовут Жюль Бонно. Я приехал из Лиона, где меня знает каждый полицейский. Мы устроили забастовку на заводе и сожгли все документы в дирекции... Мне надо скрыться. Кроме вас, я никого в Париже не знаю.

Бонно соврал. Его преследовали не только полицейские, но и товарищи по разбоям. Дело в том, что Платано, один из анархистов-налетчиков лионской боевой группы, был найден с двумя пулями. В момент его смерти рядом никого не было — кроме Жюля Бонно. К тому же исчезли тридцать тысяч франков, бывшие при Платано. И лионские анархисты небеспочвенно заподозрили Бонно если не в работе на полицию, то как минимум в двойной игре. Не мог же «идейный экспроприатор» — он был итальянцем — застрелиться сам? Причем сразу двумя пулями?.. Бонно в отчаянной попытке спастись от мести единомышленников рванул в Париж. Да, в столице полицейских больше,

но в огромном городе проще затеряться. Не говоря уже о том, что в не столь давние дни Парижской коммуны гвардейцы перестреляли далеко не всех анархистов.

А редакция боевого листка под названием «Анархия» была местом весьма своеобразным. В 1911 году здесь, у русского политэмигранта Виктора Сержа (настоящая фамилия — Кибальчич), которому едва исполнилось двадцать, и у его подруги Риретт Мэтржан собирались на огонек самые странные люди. Кибальчич, или Кибальчиш (в дальнейшем он вернется в Россию, уже советскую, откуда во второй раз сбежит как троцкист, чтобы стать на Западе известным писателем), родился в Бельгии в семье русских социалистов-эмигрантов. В семье, где проповедовались ультралевые идеалы, гордились тем, что их дальний родственник народоволец Николай Кибальчич создал бомбу, убившую императора Александра II.

Среди авторов «Анархии» были находящийся в розыске Раймон Каллеман по кличке Ученый, который не уставал требовать «экспроприации экспроприаторов», здоровяк Эдуар Каруи, вскрывающий сейфы и тратящий редкие заработки на покупку птиц, которых он потом выпускал из клетки, наивный поэт Андре Вале, прозванный за огненную шевелюру Рыжиком, юный красавец Октав Гарнье с глазами, как дуло пистолета, чахоточный, вечно мерзнувший Андре Суди по прозвищу Невезуха, бесцветный Эжен Дьедонне, единственным достоинством которого были лихие усы в форме велосипедного руля... Всех их объединяло одно — острое ощущение собственной неприкаянности в мире набравшего обороты капитализма. И тут в их пролетарской компании появился Бонно!

Жюль Бонно родился в 1876 году в горной провинции Ду, прозванной за холодный климат «северным полюсом Франции». Его отец был потомственным рабочим, и сам Жюль поначалу пошел на завод, где быстро примкнул к анархистам. Впрочем, это его увлечение длилось недолго. Бонно женился, завел дом, стал отцом. Но жена, захватив с собой ребенка, сбежала вместе с заводским приказчиком, который, оказывается, давно был ее любовником. Поначалу отчаявшийся Жюль хотел повеситься, но, поразмыслив, понял: виновато во всем общество, которому он теперь будет мстить. Жестоко! К тому же во время одной из стачек его, ранее якшавшегося с итальянскими анархистами, внесли в черный список как «агитатора». А это все равно что волчий билет: на работу больше не устроишься. И Бонно подался на другую сторону Ла-Манша. По одной из версий, устроился личным шофером у само-

го Артура Конан Дойля. Мы не знаем, вдохновил ли оголтелый анархист создателя Шерлока Холмса на образ одного их героев преступного мира. Наверно, не успел, ибо затем он вернулся во Францию, в родные пенаты.

В досье, заведенном на Бонно во французской уголовной полиции, говорилось: «Бонно Жюль. Известен склонностью к насилию. Всегда вооружен. Очень опасен».

А это значит, что у Бонно, по мнению парижских анархистов, было много неоспоримых достоинств. Во-первых, он хорошо стрелял с обеих рук. Во-вторых, он умел то, что по тем временам было доступно во Франции только единицам: водил машину! На заводе «Берлие», где он когда-то работал, патрон — большой оригинал, почему-то симпатизировавший Жюлю, — обучил Бонно управлять «безлошадной каретой», как в начале века нередко называли автомобиль. И в армии, из которой Жюль демобилизовался в звании капрала, он тоже водил автомобиль. Ну а в-третьих, Жюль Бонно был недурно начитан: труды Кропоткина, Прудона и Бакунина перемешались у него в голове с декларациями знаменитого французского бомбиста Равашоля.

— Нам нечего терять, а обрести мы можем все, — наставлял завсегдатаев редакции «Анархии» лионский гость. — Отбирать же надо только силой, причем неожиданно! Не бойтесь нажимать на курок первыми! Стреляем, а потом разбираемся.

Окончательно Бонно убедил своих новых друзей последовать за ним, когда пообещал, что отныне они будут ездить только на автомобиле. Каким? Конечно же — на самом дорогом, экспропрированном!

21 декабря 1911 года утро в Париже выдалось хмурым.

Месье Каби, посыльный банка «Сосьете Женераль», развозил деньги по его филиалам. Инкассаторских бронированных машин тогда и в помине не было, банкноты в кассы доставляли специальные курьеры, одетые в видную издали ярко-голубую форму с бронзовыми пуговицами. Оружия, а тем более охраны, им не полагалось: налеты на инкассаторов бандиты во Франции тогда еще не совершали.

Ровно в 8 часов 45 минут на улице Орденер в 15 метрах от отделения «Сосьете Женераль» к банковскому посыльному, сошедшему с подножки трамвая, приблизился человек и выстрелил в упор. Потом преспокойно снял с плеча Каби сумку с государственным гербом и...

Но не тут-то было!